

УДК 1:316+330.8
DOI: 10.17223/1998863X/47/12

Л.Ф. Емелева

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИДЕЙ В ФОЛЬКЛОРЕ

Обосновывается тезис о социально-экономической обусловленности идей, характеризующих конкретные обстоятельства жизни крестьян. Фольклор аккумулирует их представления о хозяйственных взаимоотношениях в обществе. Анализ этого вида народного творчества с использованием различного методологического инструментария (герменевтического, диалектического, феноменологического) позволяет описать условия жизнедеятельности людей, эксплицировать структуру европейского общества Нового времени, определить место в ней и роль «непросвещенного сословия».

Ключевые слова: фольклор, сказка, человек, общество, экономика, социально-философские основания.

Исследование жизни людей в различных культурно-исторических обстоятельствах открывает возможности для понимания причин, побуждающих к социальному взаимодействию, и оснований, на которых протекает общественная жизнь. Изменчивость социокультурной реальности постоянно актуализирует вышеозначенную проблематику.

Совокупность возникающих в ходе проявления человеческой активности связей, выражающаяся в освоении окружающего мира, приспособлении его к удовлетворению собственных нужд, образует особую сферу общества – сферу экономических отношений. Цель данной статьи заключается в выявлении обусловленности экономических представлений крестьянства социально-экономическими обстоятельствами их жизни в конкретный период европейской истории. Достижение поставленной цели требует решения следующих задач: выявление сложностей, противоречий хозяйственной жизни крестьян; определение места крестьянства в экономической структуре общества; фиксация онтологического статуса крестьянства, особой связи крестьян с миром природы. Одним из важнейших источников эмпирических сведений об организации хозяйственной жизнедеятельности крестьянства является фольклор. Изучение этого источника дает возможность, во-первых, установить, как понимается человек и его связи с другими людьми; во-вторых, определить условия, обеспечивающие возможность общественной системы; в-третьих, раскрыть обстоятельства, которые инициируют деятельность людей в обществе, и, наконец, зафиксировать цель общественной жизни.

Выбор методологического подхода к исследованию обусловлен динамикой общественной жизни. Понимание источников и механизмов преобразований в социальной реальности осуществляется посредством диалектического метода, обнаруживающего противоречия во взаимоотношениях людей в определенных социокультурных обстоятельствах, выражающиеся в различных интересах, потребностях, целях, в результате достижения которых происходят изменения, в том числе меняется отношение человека к миру. При-

менение герменевтического метода позволяет обнаружить в сюжетах и персонажах сказок, притч, пословиц выраженные в иносказательной форме условия обыденной жизни людей, их представления о желаемом, возможном, должном. Изучать человека в контексте его повседневной жизнедеятельности, в условиях актуально протекающей и меняющейся действительности, но тем не менее сохраняющей некие инварианты, позволяет инструментарий феноменологического метода.

Внимание к произведениям фольклора как источнику изучения представлений простого народа о мире вообще и экономических отношениях в частности связано, прежде всего, с характерным способом передачи информации, обеспечивающим преемственность накопленного опыта, знаний, традиций из поколения в поколение – из уст в уста – путем их включения в сюжетную линию сказок, баллад, песен. Плоды духовного творчества простонародья, которые являет фольклор, раскрывают представления крестьян о быте, отношениях, образе жизни, о понимании собственного места в устройстве общества [1. С. 18–24].

Здесь важно отметить, что сказки могли стать предметом исследования только с получением письменной фиксации. А начало этого процесса, согласно Р. Дарнтону, относится к XVIII в., когда европейское просвещенное общество познакомилось с литературно обработанным материалом. В России сказочный фольклор получает литературное переложение в XIX в. [2. С. 10]. Таким образом фольклор, в частности сказочный, перестает быть объектом интереса исключительно простонародья и становится популярным среди представителей состоятельного сословия благодаря усилиям собирателей сказок (Шарль Перро, братья Гримм и др.). Исследования фольклористов (среди которых В.Я. Пропп, А.Н. Афанасьев, В.С. Бахтин), историков (Р. Дарнтон), социальных философов (Б. Мандевиль, Ф. Бродель) позволили выявить представления об отношениях и связях, характеризовавших европейское общество в период становления национальных государств, развития мануфактурного производства наряду с сельским хозяйством, расширения торговли, способствовавших усложнению отношений хозяйственной жизнедеятельности и экономической структуры общества.

Одновременно с пробуждением интереса к фольклору происходит формирование первых теоретических представлений об экономической сфере и месте человека в государственной и хозяйственной структурах. Человек, понимаемый как часть государства-организма, занимал конкретное место в социально-экономической структуре, обеспечивая тем самым его стабильность [3. Т. 2. С. 265]. Основу функционирования таким образом понимаемого государства составляет материальная жизнь как система хозяйственных общественных отношений и связей, расширение которых, в свою очередь, способствует становлению других уровней – рыночной экономики и капитализма [4. С. 50].

Изучение работ упомянутых исследователей и ученых дает возможность выявить широкий диапазон идей социально-экономического характера, свойственных представителям разных сословий, в частности крестьянства.

В фольклоре как универсальном способе самовыражения «молчаливого большинства», не имеющего письменной культуры, отразилась картина горького существования бедноты, противопоставленная образу жизни богатых

людей. Сказки, пословицы, песни в крестьянской среде служили средством общения, просвещения, передачи традиций. Однако в первую очередь они являлись своеобразной формой миропонимания и мирочувствования, отражением реальной жизни, поэтому сказки были полны жестокости, страха, грубости. Единственным моральным основанием сказок была сама жизнь, точнее, ее сохранение или утрата. Отсюда их главная цель – предостеречь детей, указать на наиболее опасные реальные последствия их действий. Выполняя свою задачу, сказки тем не менее исполняют и другую скрытую роль – демонстрируют социально-экономическую структуру общества, фиксируют место представителей различных сословий в нем, их взаимоотношения.

Над крестьянами довлело тяжелое экономическое бремя в виде государственных и церковных налогов и сборов. Страны Европы Нового времени отличались преимущественно аграрной ориентацией экономики. Необходимость выживания вынуждала крестьян объединяться в общину, где взаимоотношения часто не носили дружественного характера, напротив, имели место зависть и противоборствующие интересы. Поэтому сказки ярко иллюстрируют такие отношения между непримиримыми соседями, зажиточным крестьянином и бедняком, или между старшими братьями и младшим – непременно «дурачком». Сюжеты о жестокости, жадности барина, помещика, попа по отношению к нанимающемуся к нему крестьянину, работнику раскрывают социальное противоречие складывающегося в тот период капиталистического способа ведения хозяйства [2. С. 89]. При этом деятельность всегда выступает в качестве условия, определяющего характер взаимоотношений героев сказок. Она представлена в форме выполняемого физического труда, как, например, «пахал мужик ниву», «пошел в лес дрова рубить», «вот хорошо, зачал мужик горох сеять», «мужик репу копает», «наклат свою репу на воз и поехал продавать» [5. С. 22, 79].

Ряд сказок включает героя, активность которого сложно трактовать однозначно. Здесь имеются в виду Иванушка-дурачок из русской сказки, Ханс Чурбан – из французской и другие подобные персонажи, наиболее яркими характеристиками которых являются непосредственность, бескорыстие, бодрость духа, равнодушие к материальным трудностям. Образ такого героя-простака можно рассмотреть в рамках двух различных моделей жизнедеятельности человека. В первой модели рационально-созерцательная активность направлена на гармоничное существование человека в мире природы, которое достигается путем невмешательства, чуткости к этому миру, вписывания человека в него. Примерами такого отношения могут служить сюжеты о том, как Иванушка по пути с базара надел на пеньки шапки, чтобы те не мерзли, пустил стол идти на своих четырех ногах либо о том, как герой другой сказки после очередной неудачи выслушивал наставления жены, матери и сестры, а после снова попадал впросак [2. С. 23; 5. С. 39, 291]. Очевидно, что обществом одобряется иная модель жизнедеятельности простого человека, а именно рационально-преобразующая, создающая экономические условия материального благополучия человека. При этом бездействие трактуется как лень, сострадание и материальная незаинтересованность – как проявления неразумности и глупости. Таким образом, сказки демонстрируют общественное одобрение трудолюбия как одного из важнейших качеств крестьян, которое может обеспечить человеку выживание. Наряду с этим в среде кре-

стьянства культивируется неодобрительное отношение к обогащению как самоцели, вероятно, для сохранения целостности структуры общества, в котором социальная позиция человека должна быть зафиксирована в пределах выполняемых им функций («каждый сверчок – знай свой шесток»).

В образе Иванушки отразилось понимание простым человеком устройства общества в контексте натуралистической модели социальной реальности, в котором хозяйственные взаимоотношения складываются на принципах самообеспечения, осознании связи с миром природы и зависимости от ее сил. Персонаж, подобный Иванушке-дурачку, с данной позиции может быть рассмотрен как базовый в описании внеэкономических условий возможности общества. Его активность представлена как отрицание или пренебрежение экономическими обстоятельствами повседневной жизнедеятельности, материальная незаинтересованность Иванушки-дурачка проявляется в уклонении от физического труда, который «ничего не делал, только на печи в углу сидел да сморкался» либо «все на печке сидел да мух ловил» [5. С. 135, 291]. Здесь следует отметить, что образ печи, часто используемый в сказках, символизирует теплое уединенное безопасное место в доме, позволяющее наблюдать, оценивать, делать выводы о происходящем вокруг, т.е. осуществлять интеллектуальную активность. Будучи бесполезным в рутинной хозяйственной жизни, персонаж-простака в нестандартных обстоятельствах оказывается способным на такие поступки и действия, от которых зависит будущее благополучие семьи, жизнь человека [Там же. С. 190]. Сказанное позволяет заключить, что в образе героя-простака получили свою интерпретацию неоднозначность проявления человеческой активности и существование связи между условиями выполнения физического труда и интеллектуального и их результатами.

Жизнь простого человека проходит на фоне монотонного, тяжелого, изнуряющего труда, результатом которого не всегда выступает справедливое вознаграждение. Подобная зависимость от воли случая, непредсказуемость (например, погодных условий) чаще характеризуют материальные обстоятельства жизни; к примеру, на собранный мужиком урожай, который тот планировал продать, покушается сильный медведь [Там же. С. 22]. Похожий сюжет описывают и скандинавские сказки [6]. Очевидный социально-экономический дисбаланс определяет условия жизнедеятельности в обществе в целом, он воспринимается как само собой разумеющееся обстоятельство жизни, что и воплощено в образах богатого, но жестокого, часто глупого и скупого барина или богатого соседа. Встречаются и другие сюжеты, например, такой, где бедный крестьянин, семье которого грозит голодная смерть, решается украсть хлеб у богатого соседа, не покушаясь при этом на другие запасы, и тот в результате помогает ему [2. С. 45]. Данный пример можно характеризовать по-разному, автор видит здесь ситуацию разрешения материальной проблемы средствами морали, точнее, каждый персонаж совершает моральный поступок: один решается на воровство, другой находит в себе силы к прощению, пониманию и сочувствию. Нужда жестоко мотивирует человека на трудовую активность, изменяя тем самым представление о труде от общественно одобряемого качества трудолюбия до осознания тягот беспроектной изнуряющей тяжелой работой жизни. Также влияние различных внеэкономических обстоятельств, какими являются непредсказуемость явлений природы и такие человеческие пороки, как жадность, зависть, обман, обу-

словливающие враждебные взаимоотношения людей, сводит к минимуму экономический эффект, позволяет человеку в лучшем случае выживать, а в худшем – пускаться в скитания по свету в поисках лучшей доли [7. С. 48]. Не в силах избежать влияния данных обстоятельств, человек приспосабливается к возможным неожиданностям и несправедливости и действует, проявляя активность умственную, а именно хитрость и находчивость [2. С. 31, 35, 36]. Таким образом, наряду с трудолюбием названные качества, а также другие, характеризующие приспособляемость человека к различным жизненным ситуациям, позволяют человеку сохранять себя и выживать [8. С. 163].

Сюжетное сходство сказок дает возможность предположить наличие общих социально-культурных оснований в экономических идеях, бытовавших у представителей разных европейских народов в Новое время [1. С. 19; 2. С. 5]. Французским, немецким, скандинавским сказкам присуща естественная рациональность, а экономические идеи характеризуются целесообразностью, понимаемой как практичность; в них обретение материальных благ сулит успех и в иных сферах (женитьба, крепкая семья, долгая счастливая жизнь). В русских сказках экономическая активность человека часто обусловлена внеэкономическими факторами, а материальное обогащение является скорее средством, а не целью. Сказка «Неосторожное слово» демонстрирует экономические ценности, наиболее характерные для русской фольклорной традиции: «...очутился добрый молодец опять на калиновом мосту, а подле него кулек с золотом. Вот так-то разбогател он, женился на хорошей девице и зажил себе счастливо; а кабы польстился он на деньги – черт, наверно, обманул бы его...» [5. С. 179]. «Жить-поживать да добра наживать», «...и жил с нею долгие лета в любви и согласии» – эти и подобные завершения русских сказок как раз иллюстрируют пример достижения цели – внутренней (моральной) удовлетворенности. [Там же. С. 118, 134]. Отсюда можно заключить, что для общества XVII–XVIII вв. труд является естественным условием, определяющим возможность физического существования. Благополучие выступает главной целью жизнедеятельности во многих европейских социальных моделях того периода и связывается с результатами трудовой деятельности.

Труд, составляя основу экономических взаимоотношений, создает возможности существования общества, заполняя повседневную жизнь бедных людей, становится самой жизнью, что обуславливает выживание как ее основную цель. При этом исходные основания в понимании труда как способности человека к целенаправленному преобразованию окружающей реальности лежат за пределами общественной жизни, в самой природе человека. Обращение к народному фольклору позволяет увидеть ту сторону трудовой деятельности, которая отражает личное, сугубо индивидуальное проживание человеком жизни в повседневной рутинной работе [9. С. 32]. Несмотря на то, что условия социальной реальности вызвали необходимость объединения крестьян в общины, в текстах сказок не удалось отыскать сюжеты выполнения коллективной трудовой деятельности. Связано это скорее всего с тем, что совместная деятельность являлась, прежде всего, следствием непредвиденных, стихийных событий, подобных пожару, наводнению, засухе, голоду после сбора податей, налогов, либо крупных и значимых событий, подобных строительству дома для нуждающейся семьи сообща всей деревней, с которыми человеку не справиться в одиночку. Сказки также демонстрируют, как

одинокчество, вследствие разрушения социальных (семейных) связей героя, в частности распада семьи после гибели матери или отца, выражается в утрате социального статуса и превращает любимую дочь в падчерицу, сироту (Золушка из французской сказки, Крошечка-Хаврошечка из русской, Мария из австрийской сказки «Госпожа метелица» и пр.). В контексте натуралистической модели общественной жизни результатом действия причинно-следственных связей, вероятно, должна была стать неминуемая гибель героини: Мария из вышеуказанной сказки бросилась в колодец за упавшим веретеном [10]. Однако развитие сюжета кардинально меняет направление, события оказываются непредсказуемыми: происходит вмешательство волшебных сил, и мир обретает новые очертания, а счастливое замужество обеспечивает героиням материальное и моральное благополучие [11. С. 96]. Герои других сказок получали в дар за добрые дела скатерть-самобранку, мельничку, волшебный горшочек и скоро избавлялись от нужды и тягот бедности. Подобные сюжеты также демонстрируют действие в обществе иных (не только каузальных) закономерностей в достижении человеком благополучия.

Материальное обогащение при этом не всегда имеет первостепенную ценность. Например, в русских сказках богатство также выступает средством достижения других целей и теряет свое значение, когда важнейшие жизненные ценности достигаются. В связи с этим в сказках богатство не зарабатывается трудом: оно случайно приходит (с помощью сказочных помощников, таких как Сивка-Бурка, Конек-Горбунук) и часто случайно уходит [8. С. 53–63]. Есть также сказки, как, например, «Царь Иван и лапотник», где царь вынуждает бояр покупать лапти, обеспечивая условия торговли лапотнику и возможность наладить жизнь, чутко передающие противоречия социально-экономического и политического устройства общества [2. С. 14–16]. Сверхъестественные и необыкновенные обстоятельства, связанные с вмешательством иных сил, можно интерпретировать как условия совместной жизнедеятельности людей в обществе, где действуют иные, отличные от природных, законы и связи [12. С. 64]. И если в реальной жизни бедному человеку практически нереально было преодолеть несправедливость общественного устройства, что приводило к противозаконным действиям, то в сказках справедливость устанавливалась либо чудесным образом, либо посредством хитрости и находчивости, а тяжкий труд и доброта всегда вознаграждаются.

В крестьянской среде постоянно воспроизводились условия мотивации людей к труду как единственной возможности избежать смерти. При этом у человека был выбор: труд либо скитание по свету, иллюстрацией которого выступает множество сказок [13. С. 171]. Отсюда модель человека, включающая сочетание таких черт, как трудолюбие, хитрость, ловкость, сноровка, смекалка. Этим обуславливается активное отношение человека к жизни, при этом появляется возможность избежать непосильного труда, тогда как смирение, страдание еще более обременяют состояние человека. Таким образом, активная экономическая деятельность – вот что обеспечивало безопасность, целостность крестьянской общины.

Внимание к народному творчеству в контексте социально-философской обусловленности экономических представлений позволяет обнаружить еще один аспект – материальное благополучие часто связано с характером взаимоотношений человека и природного мира. Многие сказки демонстрируют

связь природы с человеком, причем эта связь далеко не однозначна: природа может выступить как заступница, а может показать свою власть над человеком. Например, в сказке «Медведь», где старик отсекает медведю лапу, а старуха потом ее варит, кожу и шерсть обрабатывает, можно обнаружить близкие крестьянству социально-экономические идеи: вред природе оборачивается вредом человеку; пользу приносит только то, что добывается трудом, а не отнимается силой; семья, а одинокая бездетная жизнь не способствует благополучию [5. С. 40]. Так или иначе, природа являет человеку самую суть естественного закона жизни. В одной из скандинавских сказок отец благополучно выдает дочь замуж за медведя, в русской сказке отец находит мужей трем дочерям – карася, орла и медведя [6]. Похожий сюжет есть и в русских сказках, где Иван-царевич выдает замуж своих сестер за сокола, орла и ворона [5. С. 108].

Эти и подобные сказки демонстрируют связь основ существования общества с действующими в нем отношениями, в том числе хозяйственно-бытовыми. Они очевидно указывают на значимый и одновременно подчиненный социальный статус женщины в семье отца, который она сохраняет, выходя замуж и занимая свое место рядом с супругом. При этом такие сказки, кроме того что иллюстрируют связь простого человека с природой, фиксируют изменения, которые также происходят в обществе, а именно: в сказке женихами являются не люди, а птицы и звери, что можно рассматривать как то, что новые семейно-бытовые отношения будут складываться по иному, не знакомому ранее порядку, к которому их участникам предстоит приспособиться. А благополучие и счастливая жизнь в сказке часто связаны с достатком пищи и безопасностью членов семьи. Таким образом, в русских сказках, в том числе сказках, собранных Афанасьевым, Бахтиным, и в иностранных наличие семьи или, напротив, бездетность выступают своеобразным мерилем благополучия крестьянского хозяйства.

Сказки демонстрируют понимание и принятие представителями народа собственного места в обществе, что соответствует натуралистической модели общества Нового времени, направленной на сохранение стабильности социальной структуры. Социальные позиции бедствующих крестьян в сказках представлены в образах одинокого старика и старухи, проживших жизнь и так и не родивших детей, либо многодетным отцом, ищущим приработка на стороне, чтобы прокормить семью. В реальной действительности их житейская доля незавидная, сказка же позволяет наладить жизнь благодаря волшебному появлению детей, как в сказках про Терешечку, Заморышка, Снегурочку, потому что дети нужны «...во младости на поглядение, а под старость на прокормление...» [5. С. 73–76, 90]. Наличие полной семьи обуславливает соблюдение в ней социальных ролей: бабушка-дедушка олицетворяют отношения помощи, признания опыта, внимания, уважения к старости (например, в сказках «Почему стариков не стали изгонять», «Красная шапочка»), роль отца связана с активностью в добывании средств жизни, роль матери проявляется посредством отношений заботы [2. С. 286]. В сказках нарушение традиционных отношений в семье, ослабление семейных родственных связей часто влечет за собой нужду, что в целом ориентирует человека на признание духовной и практической ценности семейных отношений [Там же. С. 46]. Данное обстоятельство в сказках подмечается по-разному. Стремление до-

стичь материального благополучия посредством торговли (как в сказке «Любовь жены») либо заработков на стороне.

По контексту упомянутых сказок можно предположить, что выполнение социальных функций, закреплённых соответствующей позицией простого народа как массы людей бедных, угнетённых непосильным трудом, несправедливо унижаемых, в целом соответствует общепринятым ожиданиям. Этим обусловлено пренебрежительное отношение к интеллектуальной активности непросвещённого человека, с одной стороны, не одобряющее, но, с другой – признающее её существование и полезность в достижении благополучной жизни. В целом сказки демонстрируют, что, несмотря на сильную привязку к истокам материальной жизни, простой народ не ограничивает ту самую жизнь исключительно материальными условиями.

В той части европейского общества, именуемого непросвещённым социумом, сложилось собственное представление об устройстве общества и об условиях, определяющих модель жизни человека. Сказки – английские, немецкие, французские и русские – демонстрируют главную общую черту – все они нацелены на фиксацию представления человека о жизни в обществе как его единственной возможности сохранения этой самой жизни, средством при этом выступает труд. С другой стороны, сохранение целостности общества достигается за счёт сохранения его структуры; для этого в обществе закрепляется понимание того, что смена социального статуса человека естественно приводит к изменению выполняемых функций. Таким образом, физический труд становится характеристикой жизни простого народа. Обществом одобряется активность, соответствующая его социальной позиции и лежащая в основе экономического поведения человека на принципах рациональности, целесообразности, выгоды. Фольклор в образной форме демонстрирует, как изменение обстоятельств приводит к изменениям в человеке и обществе. Устойчивые социальные отношения, протекающие в условиях повседневной хозяйственной жизнедеятельности, суть отношения материального, экономического характера, они обеспечивают существование общества как способа бытия человека. Следовательно, экономические взаимоотношения, закладывающие материальные основания общества, объясняются законами общественной жизни, действие которых обусловлено также существованием внеэкономических условий, обнаруживающихся в социальных взаимоотношениях, понимание которых также получило интерпретацию в фольклоре.

Литература

1. Пропп В.Я. Фольклор и действительность. М. : Наука, 1976. 327 с.
2. Русская бытовая сказка / сост. В.С. Бахтин. Л. : Лениздат, 1987. 510 с.
3. Гоббс Т. Избранные произведения в 2 т. / пер. с англ. А. Гутермана. М. : Мысль, 1965. Т. 2. 748 с.
4. Бродель Ф. Динамика капитализма / пер. с фр. В. Колесникова. Смоленск : ТОО «Полиграмма», 1993. 128 с.
5. Народные русские сказки : Из сборника А.Н. Афанасьева / вступ. ст. и словарь малоупотреб. и обл. слов В.П. Аникина. М. : Худож. лит., 1979. 348 с.
6. Невеста белого медведя / пересказ Е. Толстой. СПб. : Амфора, 2012. 48 с. (Сказки народов мира).
7. Пропп В.Я. Морфология сказки. Л. : Academia, 1928. 152 с. (Репринтное издание).
8. Тесля С.Н. Опыт аналитики повседневности. М. : Изд-во МГУ, 1995. 229 с.

9. Дарнтон Р. Великое кошащее побоище и другие эпизоды из истории французской культуры / пер. Т. Доброницкой, С. Куланды. М. : Новое литературное обозрение, 2002. 384 с.
10. *Госпожа метелица* / пересказ А. Галль. СПб. : Амфора, 2012. 47 с. (Сказки народов мира).
11. *Измestьева К.В.* Трансформация сюжета Золушки в пьесе Л. Филатова «Золушка до и после» // Сибирский филологический журнал. 2016. № 2. С. 94–105.
12. *Философия в современном мире: поиск методологических оснований*, вып. 3 / МГУ им. М.В. Ломоносова, УлГТУ ; под ред. Т.Н. Брысиной. Ульяновск : УлГТУ, 2004. 85 с.
13. *Волкова Е.Г.* Феномены архаической культуры в концепции В.Я. Проппа (философско-культурологический анализ) // Философская мысль. 2015. № 5. С. 170–187.

Liliya F. Emeleeva, Ulyanovsk State Technical University (Ulyanovsk, Russian Federation).

E-mail: lemeleeva@ulstu.ru, emlf@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 47. pp. 111–120.

DOI: 10.17223/1998863X/47/12

ECONOMIC IDEAS IN FOLKLORE

Keywords: nature of human; society; activity (performance); economics.

The aim of the article is to reveal the dependence of social and economic representations of the “uneducated” class (peasants) on the sociocultural conditions of their life during a specific period of the European history. For this purpose, it is necessary to find out what a human being is and what connects people with each other; to describe the living conditions of society; to find out which circumstances initiate people’s activity in society; to define what the purpose of public life is. The combination of hermeneutic, dialectic, and phenomenological methods allows to understand the place and role of a person who represents the “uneducated” class in the structure of the European society in the 17th–18th centuries. Peasants’ views on the world in general, the society organization, their standards of living, socio-economic ideas found reflection in folklore. Studying European (German, French, Scandinavian, Russian) fairy tales collected by Charles Perrault, the brothers Grimm, Alexander Afanasiev, and works of Fernand Braudel and Robert Darnton allow to draw a conclusion that for ordinary people fairy tales served as means of communication, education, transmission of traditions and cultural schemes. Harmonious communication with nature is found when characters of fairy tales work on land and hunt. Their dearest wish is to get a magic object as a gift and not to need food any more, which reflects the agrarian orientation of economy, the natural reasons of deficiency of means for life. Images of silly, greedy, lazy rich men and of poor people who are forced to work to earn a living, not to get rich, indicate not only the understanding of the unfair social structure by an ordinary person, but also offer available means of maintenance of the socio-economic balance: cunning, wit, resourcefulness, and also theft, deception. Financial interest is a common condition for people’s activity in European fairy tales. The image of a fool in Russian folklore discloses the non-economic value of human life in harmony with nature. Society ignores the contemplative activity of a person as it does not lead to a change of the surrounding space, but can call into question the bases of the social fabric in which financial interest acts as a condition of society’s existence, and human activity is a condition of its functioning.

References

1. Propp, V.Ya. (1976) *Fol'klor i deystvitel'nost'* [Folklore and Reality]. Moscow: Nauka.
2. Bakhtin, V.S. (1987) *Russkaya bytovaya skazka* [Russian folk tale]. Leningrad: Lenizdat.
3. Hobbes, T. (1965) *Izbrannye proizvedeniya v 2 t.* [Selected Works. In 2 vols]. Vol. 2. Translated from English by A. Guterman. Moscow: Mysl'.
4. Braudel, F. (1993) *Dinamika kapitalizma* [Dynamics of Capitalism]. Translated from French by V. Kolesnikov. Smolensk: Poligramma.
5. Afanasiev, A.N. (1979) *Narodnye russkie skazki: Iz sbornika A.N. Afanas'eva* [Russian folk tales: From A.N. Afanasiev’s collection]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
6. Anon. (2012) *Nevesta belogo medvedya* [The Bride of a Polar Bear]. Adapted by E. Tolstaya. St. Petersburg: Amfora.
7. Propp, V.Ya. (1928) *Morfologiya skazki* [Morphology of the Folk Tale]. Leningrad: Academia.
8. Teslya, S.N. (1995) *Opyt analitiki povsednevnosti* [Everyday Analytics]. Moscow: Moscow State University.

-
9. Darnton, R. (2002) *Velikoe koshach'e poboishche i drugie epizody iz istorii frantsuzskoy kul'tury* [The Great Cat Massacre and Other Episodes in French Cultural History. Translated from English by T. Dobronitskaya, S. Kulanda. Moscow: NLO.
 10. Anon. (2012) *Gospozha metelitsa* [Mother Holle]. Adapted by A. Gall. St. Petersburg: Amfora.
 11. Izmistieva, K.V. (2016) Transformation of the plot of Cinderella in the play by Leonid Filatov "Cinderella: before and after". *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 2. pp. 94–105. (In Russian). DOI: 10.17223/18137083/55/11
 12. Brysina, T.N. (ed.) (2004) *Filosofiya v sovremennom mire: poisk metodologicheskikh osnovaniy* [Philosophy in the modern world: the search for methodological grounds]. Issue 3. Ulyanovsk: Ulyanovsk State Technical University.
 13. Volkova, E.G. (2015) Fenomeny arkhaischeskoy kul'tury v kontseptsii V.Ya. Proppa (filosofsko-kul'turologicheskiy analiz) [Phenomena of archaic culture in the concept of V.Ya. Propp (philosophical and cultural analysis)]. *Filosofskaya mysl'*. 5. pp. 170–187. DOI: 10.7256/2409-8728.2015.5.15688